

Симон Поль Макс

Мир грез

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П53

П53 **Поль Макс С.**
Мир грез / Симон Поль Макс – М.: Книга по Требованию, 2026. – 257 с.

ISBN 978-5-519-73578-0

ISBN 978-5-519-73578-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Общая характеристика сновидѣній.

Изъ явленій, наблюдаемыхъ во время сна, сновидѣніе принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ. Въ глазахъ врача-психіатра этотъ интересъ усиливается замѣчательной аналогіей, существующей между сновидѣніемъ и галлюцинаціей и бросающейся въ глаза при самомъ поверхностномъ сравненіи этихъ двухъ проявленій душевной дѣятельности. Этотъ интересъ и побудилъ насъ приступить къ изученію природы сновидѣній, несмотря на всю трудность и запутанность вопроса.

Какъ извѣстно, сновидѣнія являются всего чаще въ началѣ сна и незадолго до пробужденія. Въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Напротивъ того, было бы совершенно непонятно, если бы сновидѣніе сопровождало полное прекращеніе дѣятельности головного мозга, которое и составляетъ, повидимому, глубокій сонъ. То состояніе пониженной дѣятельности головного мозга, которое предшествуетъ сну и пробужденію, должно представлять, — если можно такъ выразиться, — истинную арену сновидѣнія.

Сущность сновидѣнія состоитъ въ появленіи мозговыхъ образовъ, смутное или отчетливое воспоминаніе о которыхъ сохраняется у насъ по пробужденіи. Эти образы могутъ быть или чисто-чувственными или символическими обра-

зами (образами-знаками); обѣ категоріи образовъ могутъ также существовать одновременно. Въ первомъ случаѣ мы присутствуемъ при болѣе или менѣе связанныхъ сценахъ, мы видимъ, иногда,—правда, довольно рѣдко—слышимъ, испытываемъ разнообразныя ощущенія. Во второмъ — мы ассоциируемъ идеи, разговариваемъ, сочиняемъ.

Какъ извѣстно, образы, рождающіеся во время сна, подвергаются чрезвычайно быстро видоизмѣненію. Эта трансформация совершается,—точно также, какъ при галлюцинаціяхъ, о чемъ будетъ рѣчь поздѣе,—путемъ полной смѣны образовъ, и это, по нашему мнѣнію—случай наиболѣе частый. Въ другихъ случаяхъ образъ метаморфозирруется: различныя его части послѣдовательно исчезаютъ и замѣняются обрывками другихъ образовъ, изъ соединенія которыхъ составляется новый образъ.

Образы, являющіеся во снѣ, воспроизводятъ предметы, видѣнные въ состояніи бодрствованія, часто незадолго передъ тѣмъ, иногда же въ столь отдаленную пору нашей жизни, что мы утратили о нихъ всякое воспоминаніе. Появленіе образовъ странныхъ, не встрѣчающихся обыкновенно въ жизни, зависитъ отъ сопоставленія образовъ или обрывковъ образовъ, которые во внѣшнемъ мірѣ встрѣчаются только раздѣльно. Справедливость этого доказывается тѣмъ, что въ самыхъ фантастическихъ грезахъ, въ самыхъ странныхъ ассоціаціяхъ намъ удается нерѣдко различить элементы, заимствованные у того или другого одушевленнаго или неодушевленнаго предмета и вошедшіе въ составъ чудовищнаго образа, внушающаго намъ удивленіе и ужасъ.

Я помню сонъ, давно уже заинтересовавшій меня съ этой точки зрѣнія. Днемъ я встрѣтилъ одну особу очень малаго роста и долго разговаривалъ съ нею, причемъ обратилъ вниманіе на довольно оригинальный ея костюмъ. Въ ту же ночь я видѣлъ во снѣ лицо такого же роста и въ такомъ же костюмѣ; но глаза лица, видѣннаго мною во снѣ, совсѣмъ не были похожи на глаза реальнаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, имѣето прекрасныхъ глазъ моей знакомой я увидѣлъ глаза, имѣвшіе форму шара и необычайно вы-

дававшіеся изъ орбитъ. Благодаря странности образа, мнѣ нетрудно было отыскать вызвавшій его моментъ. Утромъ я долго разсматривалъ статуэтку, изображавшую какое-то японское чудовище съ такими же точъ въ точъ глазами.

Такимъ образомъ, элементы сновидѣній даются дѣйствительностью. Прибавлю, что образъ, являющійся намъ во снѣ, стоитъ въ крайне тѣсномъ отношеніи къ воспринятому передъ тѣмъ чувственному образу. Онъ, точнѣе говоря, воспроизводитъ его вполнѣ и совершенно. Это, въ сущности,—то же воспріятіе, сохранившее въ свои достоинства и недостатки, зависящіе отъ большаго или меньшаго совершенства чувственныхъ аппаратовъ, принесшихъ его къ нервному центру и подѣйствовавшихъ при посредствѣ послѣдняго на сознаніе.

А. Мори въ своемъ интересномъ трудѣ о „снѣ и сновидѣніяхъ“ подмѣтилъ эту особенность являющихся во снѣ образовъ, благодаря которой они въ точности воспроизводятъ чувственные образы, воспринятые въ состояніи бодрствованія. Мори даетъ, однако же, этому факту объясненіе, съ которымъ мы не можемъ согласиться. „Я близорукъ, говоритъ онъ, и плохо вижу; въ окно я не могу ясно различить лицъ, проходящихъ по улицѣ. И вотъ во снѣ мнѣ нѣсколько разъ снилось, что я чрезъ свое окно вижу людей и точно также не могу различить ихъ. Конечно, воображаемой близорукости нѣтъ; дѣло просто въ томъ, что воспоминаніе о моемъ плохомъ зрѣніи заставляло меня плохо видѣть и во снѣ. ¹⁾“ Наблюдатель вѣрно подмѣтилъ интересный фактъ, но съ объясненіемъ его мы согласиться не можемъ. По нашему мнѣнію, ученый академикъ видѣлъ во снѣ смутные образы, не благодаря воспоминанію о слабости своего зрѣнія. Такъ какъ эти образы были восприняты неправильно и смутно его несовершеннымъ зрительнымъ аппаратомъ, то они и предстали вновь передъ его сознаніемъ во время сна съ тѣмъ же смутнымъ характеромъ.

¹⁾ А. Мори. *Сонъ и сновѣднія*. Перев. А. Пальховскаго. Москва, 1867 стр. 149.

Нерѣдко случается, что въ сновидѣніи, какъ и въ галлюцинаціи, образы представляютъ размѣры абсолютно ненормальные. То вы видите во снѣ людей крошечнаго роста, настоящихъ карликовъ, то передъ вами являются предметы колоссальныхъ размѣровъ. Въ послѣднемъ случаѣ сновидѣніе нерѣдко принимаетъ грозный характеръ. Вы переживаете то же, что переживалъ Гулливеръ у Бробдинъгаговъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ обитателей страны гигантовъ. Когда грезящему приходится принимать дѣятельное участіе въ сновидѣніяхъ подобнаго рода, его изумленіе и испугъ могутъ доходить до столбняка.

Гдѣ причина появленія въ сонныхъ грезахъ этихъ чудовищныхъ образовъ? Въ большинствѣ случаевъ, конечно, она отъ насъ ускользаетъ. Иногда, однако же, намъ удается отыскать объясненіе въ ассоціаціи различныхъ чувственныхъ впечатлѣній. Извѣстно, напримѣръ, что сдавленіе какого либо члена вслѣдствіе неудобнаго положенія, которое онъ сохранялъ въ теченіи долгаго времени, вызываетъ у насъ ощущеніе громадной тяжести, и членъ, напр. рука, кажется намъ имѣющимъ необыкновенные размѣры. Зрительные грезы, въ которыхъ различныя части тѣла спяща кажутся ему имѣющими сверхъестественные размѣры, быть можетъ, связаны съ тактильными (осязательными) образами, зависящими отъ случайнаго и смутно сознаваемаго сдавленія этихъ частей. Я не рѣшаюсь утверждать это, такъ какъ у меня нѣтъ соотвѣствующихъ наблюденій; я думаю, однако же, что самая строгая критика не найдетъ въ этомъ предположеніи ничего противорѣчащаго научнымъ даннымъ.

Мы разсматривали до сихъ поръ, главнымъ образомъ, зрительные образы. Перейдемъ къ образамъ слуховымъ и осязательнымъ, занимающимъ по частотѣ своего появленія въ сновидѣніяхъ второе мѣсто. Несравненно рѣже встрѣчаются образы вкусовые и обонятельные. Въ особенности послѣдніе являются только въ исключительныхъ случаяхъ.

Хотя появленіе слуховыхъ образовъ во снѣ не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе подобныя сновидѣнія гораздо болѣе рѣдки, чѣмъ можно было бы думать. Въ самомъ

дѣлѣ, если внимательно анализировать сновидѣнія, въ которыхъ происходитъ разговоръ въ нашемъ присутствіи или мы разговариваемъ сами, мы замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ слуховые образы отсутствуютъ. Мы понимаемъ лицо, съ которымъ разговариваемъ, но не слышимъ его голоса; мы разговариваемъ сами, но у насъ отсутствуетъ сознаніе—то странное сознаніе, какимъ мы обладаемъ во снѣ,—звука нашихъ словъ: слуховые образы отсутствуютъ. Мы не можемъ не напомнить здѣсь о тѣхъ помѣшанныхъ, которые утверждаютъ, что съ ними разговариваютъ мысленно. Они тоже не воспринимаютъ звуковыхъ образовъ и, подобно спящему, сознаютъ идеи, которыя они отказываются признать исходящими изъ собственнаго мозга и приписываютъ воображаемымъ лицамъ. Сновидѣнія такого рода встрѣчаются довольно часто. Приведу одинъ сонъ, видѣнный мною.

Я находился въ громадной залѣ. Передо мной стоялъ старикъ-профессоръ, серьезной наружности, читавшій многочисленной аудиторіи лекцію о новыхъ теоріяхъ, придававшихъ такой интересъ современной физикѣ. Черная доска была покрыта чертежами и вычислениями, которыя профессоръ продолжалъ производить въ моемъ присутствіи. Я слѣдилъ за его изложеніемъ, я видѣлъ его жесты, но не слышалъ ни одного слова и ясно сознавалъ это; но, какъ часто бываетъ во снѣ, это странное обстоятельство казалось мнѣ вполне естественнымъ.

Повторяю, въ описанномъ сновидѣніи слуховые образы отсутствовали. Это было чисто-интеллектуальное сновидѣніе, состоявшее изъ символическихъ образовъ и сопровождавшееся образами зрительными. Съ аналогичнымъ явленіемъ мы встрѣтимся далѣе, говоря о галлюцинаціяхъ, въ которыхъ отсутствуютъ слуховые образы и которые Велларже называлъ *психическими галлюцинаціями* ¹⁾, Изучая сновидѣнія, мы, такимъ образомъ, почти на всякомъ шагѣ наталкиваемся на аналогіи между сонными грезами и раз-

¹⁾ Baillarger. *Des hallucinations et des causes, qui les produisent.* Paris, 1846.

личными проявленіями помѣшательства. Вернемся къ сновидѣніямъ, въ составъ которыхъ входятъ слуховые образы.

Въ этихъ сновидѣніяхъ слуховой образъ воспринимается дѣйствительно. Въ сознаниі грезящаго является то голосъ собесѣдника, то шумы всякаго рода. Часто эти слуховые образы исчезаютъ вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ зрительными образами; возникаютъ новые образы и фантазмагорія сновидѣнія проносятся со своими обычными видоизмѣненіями, съ неожиданной смѣлой чувственныхъ образовъ. Иногда, однако же, слуховой образъ настолько ярокъ, что вызываетъ пробужденіе. Сюда относятся, преимущественно, сновидѣнія потрясающаго характера. Когда вамъ снится, что въ васъ стрѣляютъ изъ пистолета, много основаній ожидать, что за этимъ сновидѣніемъ немедленно послѣдуетъ пробужденіе. Субъективное ощущеніе бываетъ иногда такъ сильно, что въ ушахъ проснувашаго звучитъ еще грезившійся ему звукъ,—онъ его еще слышитъ. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ настоящимъ галлюцинаторнымъ сновидѣніемъ, и это лишній разъ доказываетъ, что сновидѣніе и галлюцинація—два явленія, по существу, тождественныя. Сказанное о слуховыхъ образахъ вполне приложимо и къ зрительнымъ образамъ сновидѣній,—аналогичное явленіе наблюдается и здѣсь, когда эти образы достигаютъ извѣстной интенсивности. Д-ръ Льебо рассказываетъ, что однажды онъ видѣлъ во снѣ пожаръ и продолжалъ его видѣть по пробужденіи ¹⁾. Сходный фактъ наблюдался мною у одного лица съ очень живымъ воображеніемъ. Объ одномъ врачѣ рассказываютъ, что озабоченный болѣзнью своего ребенка онъ заснулъ въ креслѣ и увидѣлъ во снѣ гигантскаго павіана. Въ испугѣ онъ проснулся и продолжалъ нѣсколько секундъ видѣть павіана, явившагося ему во снѣ ²⁾.

¹⁾ Liebault. *Du Sommeil et des états analogues, considérés surtout au point de vue de l'action du moral sur le physique*. 1866.

²⁾ Macario. *Du Sommeil, des rêves et du somnambulisme*. См. также: Tissot. *L'Imagination, ses bienfaits et ses égarements surtout dans le domaine du merveilleux*. Paris. 1868.

Прикасаемся ли мы къ предметамъ, являющимся намъ во снѣ,—другими словами, случается ли намъ имѣть дѣло во снѣ съ осязательными образами? Образы эти воспринимаются нами не часто, но всежь-таки воспринимаются. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они—пріятнаго характера, напримѣръ, въ сладострастныхъ грезахъ; въ другихъ, напротивъ того, они вызываютъ непріятное чувство: мы прикасаемся къ звѣрю съ косматою шерстью или съ влажной, скользкой кожей, какъ часто бываетъ во время кошмара. Иногда мы ощущаемъ какъ бы ударъ о необычайно твердое и неуступчивое тѣло, въ другихъ случаяхъ намъ кажется, будто намъ наносятъ удары. Замѣчу здѣсь же, что извѣстныя осязательныя ощущенія, испытываемыя при галлюцинаціяхъ въ сферѣ полового чувства, не всегда носятъ пріятный характеръ. То же явленіе, но несравненно рѣже, встрѣчается въ эротическихъ сновидѣніяхъ.

Существуетъ ощущеніе, часто испытываемое во время сна, трудно поддающееся классификаціи и которое, однако,—какъ мнѣ кажется,—должно быть отнесено къ числу осязательныхъ образовъ. У спящаго является ощущеніе, какъ будто онъ летаетъ, падаетъ въ бездонную пропасть, уносится въ безпредѣльное пространство. Для меня несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, относящимися къ сферѣ общаго чувства. Мы лучше уяснимъ себѣ это ощущеніе, часто испытываемое во снѣ, если обратимся къ одному очень интересному явленію, носящему нерѣдко патологическій характеръ, но наблюдаемому иногда и у совершенно здоровыхъ людей,—я говорю о головокруженіи. Оно проявляется въ различныхъ случаяхъ въ крайне разнообразныхъ формахъ. Есть, однако же, форма головокруженія, при которой лицу, подверженному этому страданію, кажется, будто оно уносится съ бѣльшей или меньшей быстротой, несется въ разныя стороны или совершаетъ вращательное движеніе. Мы увидимъ впослѣдствіи, что этотъ видъ головокруженія обусловленъ, по всей вѣроятности, галлюцинаціей осязательнаго характера и представляетъ одну изъ формъ гипнагогической галлюцинаціи въ сферѣ общаго

чувства. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть замѣчательной аналогіи между ощущеніями, испытываемыми при головокруженіи, и тѣми ощущеніями, являющимися во время сна, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Выше я указалъ, что сновидѣнія, имѣющія какое-либо отношеніе къ образамъ обонятельнымъ и вкусовымъ, наблюдаются не часто. Брилья-Саваренъ отмѣтилъ рѣдкость появленія чувственныхъ образовъ этого рода. „Рѣдко, говоритъ онъ, ощущенія, испытываемыя нами во снѣ, принадлежать къ числу ощущеній обонятельныхъ и вкусовыхъ. Когда вамъ снится цвѣтникъ или лугъ, вы видите цвѣты, но они не пахнутъ; когда вы сидите за столомъ, вы видите кушанья, но не ощущаете ихъ вкуса ¹⁾“. Какъ мы увидимъ ниже, мнѣніе это справедливо только отчасти. Вѣрное, въ общемъ, по отношенію къ обонятельнымъ ощущеніямъ, оно оказывается несравненно менѣе справедливымъ, когда дѣло идетъ объ ощущеніяхъ вкусовыхъ. Впрочемъ, даже съ обонятельными ощущеніями мы встрѣчаемся въ цѣломъ рядѣ сновидѣній; ниже мы приведемъ нѣсколько сновъ этого рода, заимствованныхъ у Макаріо и Мори. Первый замѣтилъ даже, что въ двухъ случаяхъ, которые онъ приводитъ, обонятельное ощущеніе продолжалось нѣкоторое время по пробужденіи, такъ что и здѣсь мы встрѣчаемъ ту замѣчательную аналогію, — вѣрнѣе говоря, тождество — между сновидѣніемъ и галлюцинаціей, которую мы отмѣтили, говоря о другихъ чувственныхъ образахъ, входящихъ въ составъ сновидѣнія.

Безсвязность—одна изъ чертъ, обыкновенно наблюдаемыхъ въ сновидѣніи. Образы, сцены смѣняются другъ друга безъ всякаго порядка. Иногда, впрочемъ, дѣйствіе въ сновидѣніи развивается правильно, сцены слѣдуютъ одна за другой въ извѣстной послѣдовательности, разговоры, въ которыхъ мы принимаемъ участіе или которые слышимъ, логически-связны, такъ что мы съ трудомъ можемъ отли-

¹⁾ Brillat-Savarin. *Physiologie du goût*. Существуетъ русскій переводъ.

читать ихъ отъ проявленій умственной дѣятельности въ состояніи бодрствованія. Мы увидимъ ниже, чему слѣдуетъ приписать эту особенность извѣстнаго ряда сновидѣній. Но даже и въ снахъ, абсолютно безсвязныхъ, удается нерѣдко отыскать реальное, хотя и совершенно искусственное, звено, связующее различныя сцены, входящія въ составъ сновидѣнія. Мори, котораго намъ придется цитировать еще неоднократно, рельефно указалъ на эту ассоціацію образовъ, входящихъ въ составъ сонныхъ грезъ. Мы приведемъ здѣсь цѣликомъ одно мѣсто изъ его книги, гдѣ ученый академикъ показываетъ, при посредствѣ какихъ своеобразныхъ переходовъ представленія грезящаго слѣдуютъ одно за другимъ и порождаютъ другъ друга.

„Послѣ паломничества (*pèlerinage*) въ Іерусалимъ или Мекку и цѣлага ряда приключеній, мною забытыхъ, говорить Мори, я очутился на rue Jacob у химика Пельтье (*Pelletier*), который во время разговора далъ мнѣ цинковую лопатку (*pelle*), послужившую мнѣ конькомъ, на которомъ я проѣзжался въ послѣдующемъ сновидѣніи, болѣе мимолетномъ, чѣмъ предшествующія, и которое я не могъ припомнить. Вотъ три идеи, три главныхъ сцены, которыя, очевидно, связаны между собою словами: *pèlerinage*, *Pelletier* и *pelle*, — т. е. тремя словами, начинающимися одинаково и ассоциировавшимися, конечно, по созвучію. Слѣдовательно, эти слова послужили связью для сновидѣнія, повидимому, весьма безсвязнаго. — Однажды я сообщилъ объ этомъ наблюденіи одному знакомому мнѣ лицу, которое отвѣчало мнѣ, что оно весьма живо помнитъ сонъ такого же рода. Слова: *jardin* (садъ), *Chardin* и *Janin* такъ тѣсно ассоциировались въ его умѣ, что оно во снѣ послѣдовательно видѣло *Jardin des Plantes*, гдѣ встрѣтило путешественника по Персіи *Chardin*, который далъ ему, къ его большому удивленію (не знаю, было ли это влѣдствіе анахронизма) романъ *Jules Janin*'а — „*L'âne mort et la femme guillotinée...*“. Привожу еще примѣръ, заимствованный мною изъ своихъ собственныхъ наблюденій и тоже указывающій на неправильную ассоціацію. Я думалъ о словѣ „било-

метръ“ (*kilomètre*) и думалъ такъ много, что во снѣ увидѣлъ, что я иду по дорогѣ и читаю надписи на столбахъ, означающихъ разстояніе, вычисленное на эту путевую мѣру. Вдругъ я нахожу себя на вѣсахъ, употребляемыхъ пряничниками, и на одну изъ досокъ которыхъ какой-то чело-вѣкъ накладывалъ килограммы (*kilos*), чтобы узнать мой вѣсъ; потомъ, не знаю уже какъ, этотъ пряничникъ сказалъ мнѣ, что мы не въ Парижѣ, а на островѣ *Gilolo*; о которомъ, признаюсь, я очень мало думалъ во всю свою жизнь. Тогда мое вниманіе перенеслось на второй слогъ этого слова и я, пережѣвая, такъ сказать, ногу, оставилъ первый слогъ и сталъ кататься на второмъ. Мнѣ снились одинъ за другимъ нѣсколько сновъ, въ которыхъ я видѣлъ цвѣтокъ лобелію (*lobelia*), генерала Лопецъ (*Lopez*), о печальной кончинѣ котораго на Кубѣ я только что прочелъ,—и, наконецъ, я проснулся, играя въ *лото*. Я пропускаю нѣсколько промежуточныхъ обстоятельствъ, о которыхъ во мнѣ не сохранилось яснаго воспоминанія и которымъ, по всей вѣроятности, служили темами подобныя же созвучія. Но отъ этого способъ ассоціаціи идей въ этомъ случаѣ представляется не менѣе очевиднымъ. Эти слова,—употребляющіяся, конечно, не ежедневно,—послужили связью для идей совершенно не сходныхъ ¹⁾“.

Этотъ остроумный и тонкій анализъ представляетъ значительный интересъ. Мы видимъ здѣсь искусственное, но вполне реальное звено, связующее разнородныя и безсвязныя сцены сновидѣнія. Символическіе образы, тѣсно связанные другъ съ другомъ общимъ слогомъ, такъ сказать, порождаютъ другъ друга и вызываютъ появленіе чувственныхъ образовъ, символами которыхъ они являются. А такъ какъ одинъ образъ, одинъ символическій, условный образъ,—можно было бы сказать даже, обрывокъ образа,—можетъ стать основой, опредѣляющей сцѣпленіе, ассоціацію образовъ, входящихъ въ составъ сна, то этимъ и объясняется крайняя безсвязность сценъ, смѣняющихся въ сознаніи грезящаго. Между

¹⁾ Тамъ-же, стр. 120 и сл. русскаго перевода.